

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ РИВЕР

Мечты сбываются. И чудеса случаются. И все знают, что стоит только очень сильно захотеть – и вот оно, долгожданное счастье! Откуда же берутся препятствия? Почему вдруг рушится мир, так искусно выстроенный?

Будьте счастливы

Галина Артемьева

**Девочка по имени
Ривер (сборник)**

«ЭКСМО»

2014

Артемьева Г. М.

Девочка по имени Ривер (сборник) / Г. М. Артемьева —
«Эксмо», 2014 — (Будьте счастливы)

ISBN 978-5-699-73479-5

В новом сборнике рассказов Галины Артемьевой причудливо сплетаются судьбы пяти женщин разных возрастов. Вот подросток Алька с ее первыми трагическими влюбленностями и страданиями. Вот умудренная годами бабушка, потерявшая мужа и стойко переживающая женское одиночество. Вот ищущая надежных отношений Варя, которой постоянно не везет с мужьями, и ее лучшая подруга Маруся, счастливая в браке, но с тревогой размышляющая о перспективе отношений... Героини Артемьевой верят в любовь как в главную силу жизни, но такова ли она на самом деле?

ISBN 978-5-699-73479-5

© Артемьева Г. М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Под звездами	5
Самое скучное лето	14
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Галина Артемьева

Девочка по имени Ривер

*У стен есть уши, у тьмы – глаза, у страдания – время, у любви
– бесконечность...*

Под звездами

– А у кого-нибудь бывает такое: вот ты одна в темноте, и кажется, что за тобой кто-то стоит и дышит в спину?

Совершенно закономерный вопрос, если сидишь у костра, из-за яркого огня которого летняя ночная мгла кажется особенно плотной и наполненной тайной, чужой жизнью.

Маруся оглядела любимые лица людей, улыбавшихся ей сквозь языки пламени. Рядом с ней сидела бабушка, милая, дорогая, – друг, все понимающий. Справа от бабушки примостилась на чурбачке младшая Марусина сестра Маринка, появившаяся на свет на шестнадцать с половиной лет позже Маруси и, справедливо говоря, благодаря исключительному Марусиному терпению. Четырнадцатилетняя Марусина дочка Аля, стройностью и тревожной робостью подобная олененку, смотрела прямо в глаза матери, ожидая ответа на прозвучавший вопрос. Варя, главная и самая давняя подруга Маруси, молча кивнула, явно не собираясь отвечать первой.

Маруся словно со стороны взглянула на собравшуюся у костра компанию. Пять женщин разных возрастов.

«Надо же, – подумала она, – только женщины собрались. Странно. Одни женщины. Что-то в этом грустное, ненадежное. Такая ясная ночь. Поднимаешь голову вверх, к небу, и встречаешься глазами с мириадами звезд. Все эти тысячи тысяч светил и планет обещают тебе вечную любовь и надежду на счастье. Голова кружится от этого звездного гула, и поневоле ждешь объятий любимого человека или хотя бы нежного его прикосновения. В такие моменты веришь в гармонию жизни и ее справедливость. Почему же вместо блаженного наслаждения редким покоем возникает беспокойство и ощущение, что во тьме за твоей спиной притаился кто-то страшный?»

– Марусь, у меня все школьные годы такое было, и не в темноте, а при свете дня, – послышался добрый Варин голос. – У меня даже игра особая возникла: поднимаюсь в подъезде по лестнице и чувствую ЭТО САМОЕ за спиной. Я – хоп: оборачиваюсь. Конечно же, совершенно неожиданно для ЭТОГО. И, ясное дело, никого и ничего не обнаруживаю. Но я-то уверена: за мной никого нет не потому, что ЭТОГО не существует. Просто ОНО теперь впереди. ОНО всегда оказывалось быстрее меня. В общем, бежала я домой через три ступеньки, чтобы поскорее избавиться от этой жуткой жути. За школьные годы личный рекорд поставила по скорости бега вверх по лестнице.

Маруся поежилась. Она хорошо знала, что у Вари с лестницей собственного подъезда связаны по-настоящему трагические воспоминания. Столько лет прошло, а тот ужас не забыть.

– А у меня днем ничего такого не возникало, – бодро заявила она, чтобы отвлечь подругу от ее печалей. – Только вот так: ночью, на даче. И кажется: из кустов – ОНО выглядывает.

Последние слова Маруся произнесла с подвыванием.

– Да ну! Чего вы все выдумываете! – презрительно фыркнула сестрица Мариша. – Никогда и ничего я такого не чувствовала. Реальных людей надо бояться, живодеров, а не это самое ваше ОНО.

– А я тебе скажу, почему ты ничего такого не испытывала, – слегка обиделась Маруся. – Это потому, сестричка, что за твоей спиной всегда были мы! В частности, я. Ты когда-нибудь одна в школу – из школы ходила? Не было такого!

– Было! В старших классах! – запротестовала Маришка.

– Ха! В старших! В старших уже не то! – по-девчоночьи хмыкнула Маруся. – У тебя к тому времени выработалась полная уверенность в надежности собственного тыла.

– Эй! Ты спросила – я ответила! – возразила сестра.

– Мариша права, – вздохнула бабушка. – Бояться надо не самой тьмы и не своих фантазий, а людей. Такие темные люди иной раз встречаются, что и днем от них шарахаешься, как от пропасти.

– Хорошо, если шарахаешься, а иногда так и тянет к ним, как мотылька на огонь, – назидательно произнесла Маруся, пристально глядя на дочь.

В последнее время она особенно остро чувствовала незащищенность своего ребенка перед жизнью: девочка выглядела уже вполне взрослой, оставаясь при этом доверчивой, по-детски открытой глупышкой. Маруся помнила свои юношеские приключения и с ужасом понимала, что от многого она свою дочь не уберезет. Да что там – от многого! Ни от чего не уберезет. Каждый живет свою жизнь сам. В этом и заключается главная жестокость и главное приключение человеческого существования.

– А я еще вот о чем недавно думала, – продолжила Маруся. – Вот говорят: страх – удел неверующих. Верующий человек полностью полагается на Бога, потому и страха не знает. Ну хорошо. Вот ты верующий, допустим. Идешь себе, страха не ведаешь. А за тобой крадется неверующий с ружьем или с каменюкой. Всегда ли Бог сбережет?

– Это практически тот же самый вопрос, как «всегда ли добро побеждает зло», – задумалась Варя. – И знаешь, на моей памяти – практически всегда. Только добру порой очень много времени требуется, чтобы победить. Потому и возникает ложное ощущение торжества зла. Мы же нетерпеливы. Нам сразу и все подавай. Являй чудо, и все тут. Кстати. Верующие разве не боятся? Они боятся Бога. Разве не так?

– А что такое – Бога бояться? – спросила бабушка. – Это жить по Его законам. Всего-навсего. Не отступать. И будь что будет. Все принимать. Положено, чтобы тебе удар в спину нанесли, – это все равно случится. Но почему? Может, сила молитвы твоей была невелика? Или вера слаба? Вон, Серафим Саровский лютого медведя укротил верой и безбоязненностью.

– Эх, – вздохнула Варя, – вот это «будь что будет» – самое страшное и есть. Никогда заранее не знаешь, что будет. Ведь приключиться может очень даже страшное. И совсем неожиданно. Можно ли быть готовым? Ко всему ведь не подготовишься. Человек слаб...

Маруся подумала: вот посмотрел бы на них кто-то совсем чужой, запросто мог бы подумать, что они колдуют тут, у костра. Их же пять! Пентакль! Пятиконечная звезда – заветный символ ведьмовства. У колдунов пентаграмма – символ позитивной силы и защиты. Пятиконечная звезда – амулет чародеев. Она защищает их от нападений демонов и духов, к тому же позволяет им общаться с демонами и даже повелевать ими.

Маруся еще девчонкой, когда в стране шли повальные разоблачения коммунистических идеалов, вычитала занимательные факты, связанные с любовью большевиков к пятиконечным звездам. Кто-то даже сделал открытие: руководство страны, все поголовно, увлекалось сатанизмом. И вовлекало все население в поклонение духу зла. Отсюда и октябратские звездочки. Чтоб с детства приобщались, незаметно для себя.

Вторым открытием для Маруси был факт, что обвинение коммуняк в сатанизме – чистейшей воды клевета. Сатанисты считают своим главным амулетом перевернутую звезду, тогда как все советские звезды, включая кремлевские, были звездами с одной верхней точкой. Однако мысль о том, что магия и колдовские обряды серьезно изучались строителями новой идеологии и применялись ими на практике, казалась бесспорной. Кто, как не демоны, были в подчинении у строителей новой жизни, истреблявших миллионы людей «именем народа»? Древние колдуны использовали для своих обрядов круглые диски из глины, воска, меди или серебра, на которых выдавливалась пентаграмма. А сколько таких невинных значков – «звездочка в кружочке» – носили на груди ни о чем не подозревающие советские люди?

Ну какие из них, собравшихся у костра, ведьмы? Хотя – каждая женщина обладает колдовской силой, в каждой таится возможность созидания и мощь разрушения. И вся эта сила дается ради продолжения рода, ради обретения спутника. Так ли? И почему тогда они одни сидят в такую чудесную ночь под звездным небом?

Бабушка, словно услышав Марусины мысли, заговорила задумчиво:

– Смотрю я на нас со стороны и думаю: как же так? Почему мы здесь одни? Словно в нашей семье мужчины не водятся. И мы даже привыкли без них обходиться.

– Ба, ты как всегда! Я только подумала, а ты уже говоришь, – восхитилась Маруся.

– А о чем еще думать? Где они, далекие наши?

– Вернутся, вернутся, съедутся скоро, сама еще будешь не рада шуму и хлопотам, – засмеялась Маринка.

– Ну-ка, давайте подсчитаем, сколько их и сколько нас, – не сдавалась бабуля.

Итак. Бабуля давным-давно одна. Дедушка ушел слишком рано, в расцвете сил, в пятьдесят шесть лет. Марусе было тогда четырнадцать, как Альке сейчас. Дедушка именно ушел. Ложился спать, позвонил сыну, поговорил, подозвал внуку, пообещал, что в субботу пойдут на лыжах кататься, а утром его уже не было. Во сне остановилось сердце. Почему так? Исследовательский институт, которым он руководил, расформировывали, а по факту разрушали, действуя подло, никчемно. Он боролся, отстаивал и – ушел. Не сдался. Видимо, высшие силы решили, что дальше крест будет ему не по силам. Так и осталась бабушка одна. Полная еще жизненных сил, интереса к окружающему. Маруся хорошо помнила ее молодой. Она привыкла, что все ее детство бабушку принимали за ее маму, а потом удивлялись: «Когда это вы успели?»

Удивляло Марусю то, что дедушка ушел, а бабуля так с ним и осталась. За ней пытались ухаживать, делали предложения, но она неизменно отказывалась: «Как же я потом с Мишенькой встречусь?» Она твердо верила, что встреча им еще предстоит, и жила так, словно ей придется перед ним отчитаться о годах, проведенных в разлуке.

После ухода дедушки главным мужчиной в семье стал Марусин папа. Потом Маруся вышла замуж, родила дочь, четыре года спустя появился у них еще один мужчина, сын Андрейка. Вот и все пока их мужчины. Правда, есть еще Маринкин жених. Все у них давно решено. Наверняка. Потому что подобрались – два сапога пара.

– Мариш, слушай, а правда – где Федя? – вдруг запоздало удивилась старшая сестра.

Она так была обрадована неожиданному Вариному приезду и так увлечена их разговорами, что упустила из виду отсутствие Феди. Видимо, слишком привыкла к тому, что он есть.

С десятого класса Маришкиной школы объявился у нее Федя, нескладный, высоченный, тощий. На первый взгляд, ничего общего с ладной красавицей Маришкой. Но родство душ не предусматривает внешнего сходства. Главное в другом. Сдружились они в один миг, хотя учились в параллельных классах все годы, видели друг друга каждый день и – не замечали, пока не настал особый момент.

Маришка в тот день возвращалась домой из школы и в проходном дворе соседнего дома заметила страшное: на протоптанной дорожке между домами лежал мертвый голубь с глубокой кровавой раной в груди. Кто его знает, что с ним случилось? Может, кошка дворовая на него напала? О том, что в смерти птицы может быть виноват человек, даже думать было невыносимо.

Однако девочку поразили не только вид безжизненного существа. Рядом с бездыханным растерзанным тельцем стоял другой голубь. Живой. Он стоял, не двигаясь, глядя в одну точку. Он не сделал ни шажка и не отвел взгляда даже тогда, когда Маришка подошла совсем близко. Живой голубь словно окаменел в своем горе. Ему явно было безразлично, что с ним самим произойдет. Девочка читала о такой птичьей верности, но никогда в реальности не сталкивалась с проявлением горя живого существа. Она испугалась за птицу.

– Кыш, – сказала она тихо, почти шепотом. – Улетай отсюда. Тебя могут убить. Улетай. Голубь глядел куда-то вдаль и не реагировал на ее предупреждение.

– Он не уйдет, – услышала она за спиной мальчишеский голос. – Так и будет стоять рядом с подругой. Долго-долго. Может, и его прибьют. Только ему все равно. Он сам жить не хочет.

Она вздрогнула, оглянулась и увидела Федины глаза. Прежде всего – глаза! В них стояли слезы. Он протянул руку и вытер слезу на ее щеке. А она и не заметила, что плачет.

– Что же делать? – спросила она.

– Он так не уйдет, – повторил Федя. – Знаешь, надо похоронить. Тогда, может быть, этот как-то опомнится.

Маришка прежде никогда никого не хоронила. Наоборот. Она оживляла. Подбирала всякое зверье, лечила. Просто редкостным специалистом была по возвращению к жизни несчастных братьев наших меньших, на которых постоянно изливалась безумная человеческая жестокость.

– А как хоронить? – почти беззвучно спросила она. – Я не умею.

– Как сможем, так и похороним, – решительно ответил Федя.

Он завернул птицу в пакет из-под сменки. В мягкой рыхлой земле под деревом металлической линейкой вырыли ямку, уложили в нее останки. Живой голубь все еще не шевелился. И только когда Марина с Федей отошли от могилки, вдруг встрепенулся.

– Улетай! – сказала ему громко девочка. – Ты лучше улетай!

– Живи! – велел Федя и свистнул, как заправский голубятник.

Птица, словно послушавшись, взмыла в воздух.

– Летит! – радовалась Маришка. – Летит!

С тех самых пор голубиная любовь досталась в наследство Марине и Феде. Они были рядом, и по-другому происходить попросту не могло. Вместе, получив аттестаты зрелости, поступили в ветеринарную академию, вместе мечтали о будущем.

– Так где Федя? – повторила Маруся. – Что за дела?

– А Федю кошка укусила, – объяснила Мариша. – И теперь у него палец гноится. И уколы от бешенства приходится делать.

– Что это за бредятина такая? Какая кошка? Вы, похоже, совсем обезумели со своими зверями! – пораженно воскликнула бабушка.

– Не, ба, не обезумели. И не бредятина. Кошка соседская. Но с редкой судьбой. Соседи считают, что она понимает человеческую речь. И даже несколько слов говорит. Она у них умела говорить «мама», «мясо», «ау»...

– Ну, это часто хозяева желаемое за действительное выдают. На самом деле это все «мяу». Обычное кошачье «мяу», – возразила бабушка.

– Нет, бабуль. Она все по делу произносила. Когда хозяйка домой возвращалась, кошка бежала ее встречать и кричала «мама», когда есть хотела, говорила «мясо», а если ее звали, отвечала «ау». Бывают такие кошки.

Все дружно засмеялись.

– Ах, Маришка, какая ты у меня еще маленькая, – нежно проговорила Маруся сквозь смех.

– Мне двадцать лет, я скоро диплом о высшем образовании получу! – обиделась Маришка.

И эта искренняя обида доказывала, что детство ее никуда не ушло, так и живет в ней.

– Мариш, а что дальше с говорящей кошкой? – настойчиво потребовала продолжения истории Алька.

– А дальше то, что семья поехала на машине в Воронеж навестить старших родственников. Кошку не на кого было оставить, да и не хотели они. Приехали, погостили там за городом. А ее выпускать боялись: вдруг, мол, убежит, нагуляет котят и все такое. Она у них все время в комнате сидела взаперти и очень обижалась, ругалась на них, орала. Наконец собрались в обратную дорогу, сели в машину, поехали и стали между собой разговаривать о том, что надо уже кошку кастрировать, тогда она гулять сможет, а то душа болит за беднягу. А она, видно, все поняла, – я ж говорю, что она у них все-все понимала, – и как сиганет в окно! Прямо на трассе! Они остановились, звали-звали, кричали-кричали, мать плакала, винила себя, клялась, что никто ей ничего не сделает, лишь бы только вернулась. Потом пришлось ехать без кошки домой. Месяц они переживали, страдали. А потом, представьте, она сама вернулась! Дошла до дому из Воронежа в Москву! Вот характер, а! Пришла и стала кричать у дверей квартиры. Они ушам не поверили. «Мама», – слышат. Открывают дверь, там она сидит. Ну, конечно, она уже не та, что была. Не домашняя котюлечка, а хищная, худая, с горящими глазами. Шерсть клочьями. Дикая кошка. Они ей так обрадовались, запричитали. А она в дом не вошла. Смотрит на них, и они понимают, о чем она. Короче, она им телепатически сообщила, что в дом не пойдет, но кормить ее они должны. Они все поняли. Тут же ей в миску навалили мяса, она сожрала, распушилась вся, но даже умываться не стала, как обычно кошки делают после еды, а убежала куда-то вверх по лестнице.

– Ничего себе кошечка! Вот сила! – восхитилась Варя. – Дошла сама из Воронежа! Это она им доказывала, выходит, что они не вправе на ее свободу посягать. Да, Мариш?

– Кто ее знает, чего она доказывала. В общем, позвали соседи Федю, как специалиста, чтобы тот им помог зверя домой вернуть. Он, конечно, согласился. Его все звери любят, доверяют ему. Он поднялся на верхний этаж, там она и сидела, отдыхала от еды. Ну, он присел на ступеньку, стал ей объяснять, что надо бы домой, что никто ничего ей не сделает, что все плакали-рыдали, тосковали без нее. И она вроде слушала благосклонно. Даже мяукнула пару раз в ответ. А когда Федя руку протянул, хотел попробовать погладить, она его за палец и цапнула. Не поверила до конца. Так и живет сейчас отдельно от своих. Но за едой приходит. Хотя ее, конечно, надо бы отнести к ветеринару, обследовать. И в ближайшее время Федя сумеет ее уговорить. А палец тыпнутый нагноился, хотя он сразу рану тщательно обработал. Значит, надо ее обследовать и лечить.

– Ну как же так? Это же опасно! Это не шутки! – всполошилась бабушка.

– А никто про шутки и не говорит. Все будет хорошо, бабуль, не волнуйся. Вот он меня на дачу отправил, потому что видит, что я тоже переживаю за него, боюсь. А ему надо сейчас просто палец вылечить и от бешенства проколоться. Хотя он уверен, что бешенства у нее нет, по внешним признакам по крайней мере.

– Если бешенство, их ведь сразу уничтожают? – спросила Маруся.

– Давай пока не будем об этом. Федя уверен, что завтра сможет с кошкой договориться. И все будет тогда понятно. Обследуют, диагноз поставят. Я вам все расскажу.

– Ох, грехи наши тяжкие. Каждый день сюрпризы, – пожаловалась бабушка, – Теперь вот за Федю еще бояться...

– А неужели ты боишься, бабуль? – поразилась Маруся.

Бабушка всегда выглядела такой уверенной и спокойной, что казалось, страх ей неведом.

– Боюсь, – спокойно ответила бабушка. – Больше всего боюсь кого-то из близких потерять. Боюсь пережить кого-то из любимых. Потому что это неправильно и несправедливо. Молюсь о вас всех, о том, чтоб здоровые были. Остальное – беситесь, как хотите.

– А мы разве бесимся? – удивилась Алька.

– А то нет? Каждый по-своему. Со своими закидонами. Вон папа твой: зачем он при жене и двух детях по горам шастает? Альпинизм – это риск для жизни ежеминутный. Покоряет горные вершины, а мама твоя изводится. И я вместе с ней.

– Не надо, бабуль! Все будет хорошо! Главное – о плохом не думать, – встревожилась Маруся.

В сердце ее многие годы жил страх за мужа. Она научилась с ним договариваться, справляться. Самое важное было: молчать и думать только о хорошем. Они обо всем договорились перед свадьбой. Маруся знала, что ее любимый не представляет себе жизнь без покорения вершин, без экстремальных путешествий. И без нее, Маруси, тоже не представляет. Но, зная себя, Саша честно предупредил, что не сможет вынести монотонное существование по формуле «работа – дом» больше трех месяцев. Да, он тогда готовился к защите кандидатской, да, он преподавал в университете, да, он был однолюбом, мечтающим прожить со своей избранницей всю оставшуюся жизнь. И при этом силу свою он черпал в опасных восхождениях. И про жизнь понимал там же. Он говорил про риск, нешуточный, настоящий риск, от которого отказаться не сможет, даже если сейчас она попытается заставить его отречься от гор. Он просил только об одном: понять его и принять их будущую жизнь именно такой, со всеми ее сложностями.

– Я не пью, не курю, у меня отличные профессиональные перспективы. Но раз в несколько месяцев я буду покидать тебя ради путешествий. Ты принимаешь меня? Ты согласна?

– Я постараюсь все принять, я люблю тебя, – пообещала тогда Маруся.

Она и принимала, и старалась привыкнуть, молилась о нем, заставляя себя не мучиться страхом за его жизнь. Но не всегда это давалось легко. Бывало, в голову лезли рассказы о Черном Альпинисте, которыми развлекал ее Саша в первые дни их знакомства.

Маруся, зная кучу всяких страшилок и всегда смеявшаяся над «черной рукой, идущей по вашему городу», была тогда почему-то очень напугана. Призрак Черного Альпиниста когда-то был человеком, погибшим в горах при странных обстоятельствах. Обстоятельства эти в разных легендах звучали по-разному. Одна история повествовала о двух друзьях, совершавших восхождение. Они оба были влюблены в одну девушку. Они шли в связке, и один из них сорвался, а другой перерезал соединявший их канат. Несчастный соперник разбился в пропасти. Тело его так и не было найдено. Но вскоре после этого выжившему альпинисту явился тот, кто погиб по его вине. Он был в черном, лица не различить, но живой сразу понял, что обречен. Нашли его утром неподалеку от палатки, где он устроился на ночлег. Следов насилия обнаружено не было. Но все шептались о Черном Альпинисте и о том, что в горы можно идти только с чистым сердцем.

В другой легенде речь шла о целой группе альпинистов, которые во время восхождения постоянно ссорились между собой и гибли один за другим. Самый сильный и справедливый из них все время пытался примирить ссорящихся, но ему это не удавалось. Наконец он остался в живых один, но прожил недолго: на той высоте, на которую они забрались, выжить

в одиночку было бы равноценно чуду. Получилось, что погубили всех ссоры и неумение примириться. А потом... Потом стал в тех местах появляться призрак Черного Альпиниста, который забирал с собой тех, кто не умел сосуществовать с товарищами в мире.

Все настоящие альпинисты, сильные и мужественные люди, привыкшие полагаться на себя, почему-то по-детски верили в существование этого зловещего призрака и опасались даже лишний раз говорить о нем, чтобы не накликать беду. И Маруся изо всех сил старалась не вспоминать о нем, не думать. И не бояться.

Муж ни в чем не отступил от обещанного: в тридцать пять защитил докторскую, стал профессором, видным специалистом в своей области. И путешествовал регулярно и неуклонно.

Иногда Маруся думала, что, может быть, именно из-за его путешествий и сохранялась свежесть их чувств? Она так и чувствовала себя влюбленной в мужа, все эти пятнадцать лет, прошедшие со дня их свадьбы.

– Не надо, бабуль! Ты же знаешь...

– Не будем, не будем, Марусенька! Вырвалось, прости. Ну что? Четыре мужика мы насчитали. Дай им Бог здоровья. Через пару недель, надеюсь, вернутся ваши родители с Андрейкой из Испании, Саша с гор спустится, пир закатим. Все будет хорошо. Может, и твой спутник жизни, Варюша, к нам пожалует? Понимаю, что дела у него, но иногда и отдохнуть не грех среди друзей, – старательно заглаживала тревожную тему бабуля.

– Спутник жизни больше не придет, – вздохнув, проговорила Варя. – Нет больше спутника.

– Да что ж такое-то! – расстроено воскликнула бабушка. – Прости меня, Варенька, полезла я со своими разговорами...

– Вы не волнуйтесь, Мария Андреевна, мы же родные. Почему и не спросить? К тому же спутник жизни ни в чем не виноват. Это я приняла решение расстаться. И изо всех сил стараюсь решение свое осуществить.

– Уверена, что надо было расставаться? – осторожно уточнила бабушка.

– Да. Уже долгое время была уверена. Сил набиралась. У нас цели разные. И не совпадают они. И не совпали бы.

– Ну, раз решила, держись тогда, Варюша. Жизнь все управит, как ей надо.

Бабушка внезапно спохватилась:

– Да что ж мы болтаем, а про картошку-то и забыли? Наверняка ведь готова! Мариша, раздавай-ка миски, соль неси. Сейчас будем колдовать!

Маруся заулыбалась, вспомнив, что совсем недавно представляла себе, что могли бы подумать о них чужие, глядя со стороны. Пентакль, колдовство... А они всего-навсего картошку молодую в костре пекли. Но бабуля всегда чего-нибудь придумает. Умеет она отвлечь от грустных мыслей, развеселить.

– А как колдовать, бабуль? – заинтересовалась Алька. – Про что колдовство?

– Доброе колдовство, про то, у кого какая семья будет. Сколько картофелинок попадется, столько человек в семье и окажется.

– На всю оставшуюся жизнь гадаем? – деловито спросила сестричка Маришка.

– Нет, на ближайший год. От лета и до лета, – определила мудрая бабушка.

Вот хитренькая, подумала Маруся, это когда же она придумала? Прямо сейчас или еще когда картофелины в фольгу заворачивала? Сказала, чтоб не мешали, что сама управится. Наверное, уже тогда решила развлечься.

Бабушка тем временем вооружилась железными каминными щипцами и скомандовала:

– Подходите с мисками. Сейчас все узнаем про каждую из вас.

– Кидай, бабуль, – резво подскочила первой Маришка.

– Только, чур – разворачивать все вместе будем! – велела бабуля, ухватив щипцами первый пакет. – На, получай!

Наконец, все расселись в прежнем порядке, вполне готовые узнать свое будущее.

– Давайте по очереди раскрывать, – предложила бабуля. – Начнем с меня. А у вас пока фольга чуть остынет.

Она ловко подцепила вилкой фольгу, надорвала.

– Видите, какое верное гадание? Одна у меня картофелина! Зато самая большая. Я еще, когда заворачивала, думала, кому же такая красота достанется?

– Как это одна? Значит, твоя семья – это только ты? И все? А мы как же? – расстроилась правнучка Алька.

– Моя семья – это вы, мои ненаглядные! Вы все! Но живу-то я одна. Так и продолжу, – ласково засмеялась бабушка. – И все тут правильно, все совпадает.

– Сейчас и у меня будет одна, – безнадежно сообщила Варя.

– Исключено, – отвергла бабушка Варино предположение. – Сразу скажу: там одна картофелина была в единственном числе. Такая судьба. Остальные уродились пока что маленькими. Так что – все по справедливости! Только мне быть одной, девчонки, не бойтесь!

Варя раскрыла свой пакет.

– Три! – удивленно протянула она.

– Ну, видишь! Значит, ждет тебя новая жизнь. И не быть тебе одной! – возрадовалась бабуля.

– Ну-ка, ну-ка, а у меня что? – нетерпеливо развернула свой пакет Мариша. – Ой! Ну, как хочешь, бабуль, не может быть! Четыре штуки! Даже если мы с Федей... Прямо в ближайшее время... Но чтобы за год двоих!

– А вот и посмотрим! – торжествующе засмеялась бабушка. – Вот было бы здорово, а! Мне надо успеть побольше правнуков увидеть.

– Еще и праправнуков дождешься, не за горами, – пообещала Маня, раскрывая свою фольгу. – Ого! У меня, смотрите-ка, пять! Смотри, Алька, пять! Папа, я, ты, Андрейка и – вот! Еще кто-то! Неужели, бабуль?

– А чего ты меня спрашиваешь? Это судьба тебе сулит, не я! – таинственно провозгласила бабушка.

– Смотрите! И у меня пять!!! А я не замужем, – протянула разочарованно четырнадцатилетняя Алька.

– А твоя семья – это пока что те, кто живут с тобой в родительском доме, солнышко! И гадание посулило тебе пять и мне пять. Значит, все верно, – пояснила Маруся дочери.

– Да будет так! – провозгласила бабушка. – Давайте-ка попробуем, какая картошечка получилась. Пахнет бесподобно! И там в костре еще несколько пакетиков осталось, но те уже просто так, без волшебства. Добавка. Достань, Маруся.

Что может быть вкуснее картошки из костра? Рассыпчатая, душистая, с солью... Как хорошо! И никаких страхов! Хотя бы в ближайший год. Пусть будет, как бабушка нагадала.

– Звезды падают! Звезды падают! Смотрите! Загадайте желание!

Счастливая Алька двумя руками тянулась к небу.

– Загадали! Только говорить никому нельзя, иначе не сбудется! – предупредила Мариша.

– Волшебная ночь! – улыбнулась Варя.

Когда все разошлись наконец по своим комнатам, Маруся, укладываясь, почему-то вспомнила про свои мысли у костра, про пентакли, про бабушкино волшебство. Она давно уже поняла, что никакие мысли просто так в голову не приходят. Надо бы посмотреть, что значит пятерка пентаклей. Почему пятерка – это понятно. Их было пять. А почему

именно пентаклей? Тут она легко ответила себе, что человек, если встанет, расставив руки и ноги, сам уподобится пятиконечной звезде. Она набрала в поиске свой вопрос и получила сто тысяч ответов, которые сводились к тому, что искомая карта Таро обозначает возможную утрату любви, неудовлетворенность в эмоциональных связях и просто дефицит любви. Ключевые слова, относящиеся к пятерке пентаклей: любовник, любовница, супруга, друг, страсть, склонность, любить, лелеять, обожать. Карта хороша для любви, но не для денег.

Жалко, конечно, что денег много не обещают, подумала Маруся, зато чувств и сердечных отношений должно быть огромное количество. И забавно: ко всем из них подходит: и к Варе, с ее утратой любви, и к ней, Марусе, ждущей мужа, и к сестре, скучающей без своего Федя, и даже к Альке...

В этот момент в дверь к Марусе тихонько поскреблась дочка:

– Мам, а можно я с тобой сегодня посплю?

– Прыгай, сокровище, – пригласила Маруся. – Давай, пока папа не вернулся.

– Мам, а можно я скажу, что загадала, когда звезды падали?

– Нет. Не сбудется ведь!

– Хорошо. Тогда я тебя просто спрошу. Можно?

– Конечно.

– Ну вот если человек сказал, что позвонит, а сам не звонит... Он позвонит или нет?

– Вот ты о чем, моя маленькая! Что ж мне сказать тебе? Позвонит или нет? Я не знаю. Я ничего не понимаю в мужчинах. Я не знаю, что и почему происходит. Почему человек обещает позвонить или приехать, а потом не объявляется совсем. Никогда. Хотя обещал. Случаются странные вещи. Просто знай это. И не жди так, чтобы сердечко рвалось. Может быть, позвонит, может быть, не позвонит. Может быть, стерся твой номер, может, потерялся телефон. В любом случае знай: все к лучшему.

– А у тебя так тоже было? – жадно спросила Алька.

– Было. И я до сих пор не знаю ответа на один вопрос из времен моей юности. Но смотри: у меня есть любимый муж, вы... Все же к лучшему? Разве не так?

– Так, но... Но, может быть, он позвонит?

– Спи, моя радость, усни. Завтра будет новый день. И все произойдет, чему суждено. Спи.

Самое скучное лето

Дочка уснула быстро. А Маруся лежала без сна, вспоминая свои давние вопросы. Как все в жизни повторяется! И она когда-то вот так же ждала, томилась, надеялась, не понимала...

Бабушка той весной сломала ногу. На даче ее одну никак нельзя было оставить. Кроме того, у родителей случился переходный возраст: они все время ругались, хоть и старались скандалить «не при ребенке». А у Маруси оставались последние в ее жизни школьные летние каникулы. Последние. Других не будет. Она себе столько уже намечтала про них! И ей даже клятвенно обещали. Круз по Средиземному морю – раз! И белые ночи в Швеции – два!

Никогда прежде ее не обманывали. А вот – обманули. И еще как! Все сошлось против нее: и судьба, и разлюбленные папочка с мамочкой.

– Маруся, будь человеком! С бабушкой просто некому остаться, пойми, – отчаянно убеждал отец. – Мы в раздразе, сама видишь. Бабушка беспомощна. Есть такое слово – «надо». В следующем году точно поедешь – обещаю!

– Ты в этом обещал, – отчаянно напомнила Маруся.

– Но кто же знал про перелом! – с горечью возразил папа.

Крыть было нечем. Про перелом бабушкиной ноги никто не знал, это точно. И родителей сейчас напрягать было опасно. Вдруг перепсихуют и пойдут разводиться? Пришлось согласиться.

– Только учтите! Вы испортили мне самое лучшее лето моей жизни. Мне не о чем будет вспомнить! – прорыдала дочь, дав согласие просидеть безвылазно три месяца на даче.

– Не горюй! – посоветовала бабуля. – Кто его знает, как потом вспомнится тебе это время.

– Я знаю, как вспомнится, – отмахнулась Маруся.

И продолжать не стала. Ясно же всем, что останется в голове о лете, проведенном на даче в одиночестве. Не лето, а ссылка. О чем говорить?

Переехали. Зажили. Вообще-то Маруся любила оставаться с бабушкой. В городе они вместе не жили, виделись от случая к случаю, зато летом, на даче, общались как лучшие подруги. Даже когда собиралось в их доме много народу, бабушка и внучка главное внимание уделяли друг другу.

Загородный дом построил бабушкин папа еще в конце послевоенных сороковых годов. Он вдохновился творением художника Лагорио «Дача». Репродукция этой самой картины так и висела в дачной гостиной. Маруся в раннем детстве была уверена, что живописец запечатлел именно их дом, только забор у них выглядел иначе и клумбы перед главным входом не было. Прадедущка явно был фантазером и мечтателем. Никому в их загородном поселке и в голову не пришло создать нечто подобное. На высокий деревянный двухэтажный дом с двумя башенками приходили полюбоваться из близлежащих поселков и деревень. Поэтому и пришлось прадеду воздвигнуть глухой двухметровый забор: уж очень бесцеремонно вторгались соглядатаи в их обыденную отпускную жизнь.

Лето стояло жаркое. По утрам Маруся бегала за молоком и творогом к молочнице в соседнюю деревню, потом они завтракали с бабушкой на веранде. После завтрака внучка вовсю наслаждалась тайной, которую открыла ей бабушка. Тайна заключалась в особом пространстве, о котором девочка, выросшая на даче, и не подозревала и которое теперь принадлежало ей.

– На вот тебе, – вручила бабушка в день их переезда за город старый почерневший ключ. – Твое время настало. Поднимайся по правой лестнице до самого верха. Отпирай

дверь. И разбирайся сама: там теперь все твое. Когда-то мой дорогой папа отвел мне этот уголок. А когда ты появилась, заперли мы дверь наглухо, чтобы младенец не залез куда не следует. Я теперь выше первого этажа со своей ногой не рискну подняться. Так что – хозяйничай. Мне там было хорошо. И тебе будет.

Маруся, не веря, что ей где-то тут может быть хорошо этим пропащим летом, отправилась наверх. Скептическая улыбка, застывшая на ее лице, недвусмысленно обозначала, что она обо всех этих так называемых тайнах думает. Первый и второй этажи дома родители отремонтировали прошлым летом. Наверное, остальное отложили на потом. А теперь им не до того. Им ругаться интереснее и попрекать друг друга какой-то ерундой.

– Вампиры! – произнесла Маруся обиженно, вспомнив, как и что говорили друг другу мать с отцом, не смущаясь ее присутствием.

Она распахнула незапертую дверь в конце коридорчика и оказалась на площадке перед другой дверью: дощатый некрашенный пол, блеклые обои, кое-где отставшие от стен, облупившаяся краска на двери. И запах старины. Пахло прошлым, тем, чего не вернешь. Маруся сразу поняла, что ключ, врученный бабулей, отомкнет именно эту старую дверь. Так и получилось. За дверью оказалась очень светлая полукруглая комната. Свет настойчиво пробивался сквозь пыльные стекла окон. Вид открывался восхитительный. Маруся долго разглядывала соседние участки, дома, лес на горизонте, небольшое озеро за лугом и излучину речки, в которой она когда-то в туманном младенчестве научилась плавать.

– Неужели это все теперь мое? – изумилась она. – Неужели бабушка подарила мне эту комнату навсегда, а не только на это несчастное лето?

Она скатилась по лестнице вниз, не сдерживая восторга и умиления:

– Бабуль! Бабуль! Это ты мне? Насовсем? Комнату?!

– Конечно, тебе, и конечно, насовсем! – улыбнулась ей навстречу бабушка. – Мой этаж теперь первый. Да я давно уж туда не поднималась. Еще тем летом решила, что подарю тебе этот ключ. Правда, думала, что на выпускной. Но почему бы и не сейчас, а? Там пыльно, наверное? Убираться долго придется, окна мыть.

– Я все сделаю, бабуль! Там так классно! Все вокруг видно! – не унималась Маруся.

– Да, все вокруг видно. Твой прадедушка говорил: всех своих женихов я за километр смогу отслеживать. Особенно с башенки.

– С башенки? – не поняла внучка.

– Ну вот, – засмеялась бабуля. – Ты со своим щенячьим восторгом ничего толком и не разглядела. Иди, разбирайся хорошенько, что за чудо тебе досталось.

Но прежде чем бежать разглядывать доставшуюся волшебную комнату, Маня спросила:

– А что, ба, папа там не был?

– Нет, – покачала головой бабуля, – это же девичья светелка. Так и было задумано. Я мечтала: если дочка у меня родится, ей потом башенка и достанется. А родился сынок. У мальчишек свои забавы. Вот видишь – все дожидалось именно тебя.

– Вот мне везука! – завопила Маруся, убегая исследовать свое сокровище.

Наверху оказалось в тысячу раз интереснее, чем она поначалу решила. Книжные полки, большой стол, на котором покоились кипы нот, тетрадей, какие-то коробочки, безделушки... И во всем этом можно было рыться, разглядывать, фантазировать! Маленькое пианино у дальней стены. В городской квартире у бабушки стоял рояль. Но в последнее время никто на нем не играл. Надо же! Здесь бабуля занималась, когда была маленькой девочкой. Мечтала, росла. Росла, росла и вот стала бабушкой. В такой счастливой комнате проходило ее детство! Лучше бы так тут и оставаться всю жизнь. Смотреть вдаль, играть чудесную музыку, читать, покачиваясь в кресле-качалке, дремать на узенькой тахте под пледом. Разве что-то еще нужно человеку?

– Другие люди нужны, – ответила сама себе Маруся.

И вдруг пожалела, что нельзя обойтись без других людей.

Она открыла первую попавшуюся нотную тетрадь. Вальсы Штрауса. Ох, когда изданы! В незапамятные времена. На титульном листе прочитала четко выписанное посвящение:

«Дорогой любимой доченьке в день пятинадцатилетия!

Желаю тебе больше времени проводить за инструментом и наслаждаться поистине прекрасными сторонами жизни. Отворачивайся от неправды и безобразия.

К свету!

Мама».

Это прабабушкин подарок бабушке. Как хорошо, что они у нее такие! Маруся погладила слова поздравления ладонью, вбирая их в себя. Когда-нибудь и у нее будет дочка. И ей она передаст этот старинный заветный ключ. И что-то добавится в этой комнате от нее самой...

Девочка снова взглянула на пианино и тут только заметила, что стоит оно не вплотную к стене, а, будто ширма, отгораживает что-то в углу комнаты. Так и было! За пианино обнаружилась узкая винтовая лестничка. Маня немедленно вскарабкалась по ней и оказалась перед небольшой, задвинутой на широкую щеколду дверцей. Она решительно распахнула дверь настежь, и вот тут-то до нее дошла вся бесценность бабулиного дара. Она оказалась на той самой башенке с плоской верхушкой, попасть на которую было всегда самым заветным ее желанием. Только взрослые постоянно говорили, что туда никак не попадешь, что это просто крыша такая – и все.

А вот и не все!!! Вот она, главная тайна! Вот он, панорамный обзор! В сравнении с этими далями вид из окон бабулиной комнаты явно проигрывал. Настоящая сторожевая башня! Кованые чугунные перила надежно защищали от случайного падения с высоты. Рядом с маленькой будочкой (именно в ней и находилась дверь, ведущая на башенную площадку) имелась – ого! – душевая кабинка. Старая-старая, ржавый шланг, ржавый кран. Зачем она здесь? И тут же Маруся догадалась: это же солярий! Бабулин папа сделал для своей дочки персональный солярий, чтобы можно было загорать без помех и любоваться прекрасными далями, верхушками деревьев, птичками в полете.

Она с трудом повернула кран. В трубе заурчало, засвистело, и – вода пошла. Холодная, конечно! Но в жару – это же условия класса люкс!

– Бабуля! Я все нашла! У тебя там солярий, да? Ты там загорала? – вопила Маруся, сбегая по лестнице.

– Это у тебя там солярий, Манюня. И загорать можешь голышом. Никто не увидит. Я всегда так делала.

Маруся бросилась в объятия самой лучшей и самой любимой на свете бабули. Оказалось, даже скучное лето способно на сказочные неожиданности!

Каждое утро после пробежки за молоком Маруся забиралась на свою башенку и загорала. Солнце палило нещадно: ей повезло. Уже через две недели дачной жизни она выглядела как после отдыха на южных морях. Бабушка готовила обед: неизменные овощные супы, салаты (всё с грядки). Маруся, напитанная солнцем, спускалась со своей высоты и даже эту легкую еду глотала с трудом.

– Воздухом сыта? – кивала бабуля. – Значит, не ешь, не заставляй себя. Человек свою меру знает, если его не заставлять.

Благодарная Маруся мыла посуду, полола грядки, даже научилась косить траву самой настоящей косой.

А долгими светлыми вечерами они устраивались в беседке, увитой плющом, высаженным когда-то прадедом, и резались в карты на интерес. «Интерес» каждый раз объяв-

лялся новый, но побеждала почти всегда бабуля – как менее азартный и увлекающийся игрок, она умела просчитывать ходы. Маруся отрабатывала проигрыши мытьем окон, покраской забора: у нее же ничего не было, чтобы поставить на кон в игре. Правда, однажды внучка сумела выиграть у бабушки дивной красоты брошь, которая в следующий же вечер вернулась к законной владелице. Отыграла ее бабуля легко и просто.

– Ты учись свое удерживать, – советовала старшая младшей. – Выиграла – все. Спрячь выигрыш. Передохни. И уж его-то никогда потом в игре не используй. А будешь выигрышем швыряться – это для судьбы что значит? Что ты не оценила! Он и уйдет. Обязательно. Выиграла – цени. Делай другую ставку. Или не играй какое-то время. Поняла?

– Поняла, – тянула внучка. – Но как это – не играй? Скучно же!

– Можно просто болтать. Или музыку слушать. Книжки читать.

– А если хочется играть? – капризничала Маруся.

– Тогда играй. Но помни о проигрыше.

– Вот о чем помню, о том помню. С тобой не забудешь, – вздыхал бедный ребенок, упрямо не отказываясь от азартной игры.

Перед отъездом в летнюю ссылку Маруся пригласила всех, кого могла, навещать ее на даче. Заманивала купанием в речке, свежим воздухом, просторами... И добираться к ним было легко: на электричке тридцать пять минут из центра города. И от станции всего десять минут прогулочным шагом по удобной асфальтированной дорожке. Проще не бывает. Всем друзьям и подругам были вручены листочки с адресом и подробным описанием местонахождения райских куш. И главное: все обещали! Но никто не ехал.

Целый месяц прошел в пустом ожидании. Маруся иногда встречалась с дачными подружками, знакомыми с младенчества: когда-то их скучающие мамы выгуливали своих драгоценных новорожденных на дачном воздухе, потом младенцы делали первые шаги, держась за ручки, ну и так далее... Трудно дружить, когда все-все известно про человека. Скучно. Хотя в переходные моменты жизни все люди меняются, открывается что-то совсем новое в каждом.

Маруся даже принялась жадно дружить с никогда прежде особо ее не интересовавшей Ленкой, внучкой дачных соседей, родившейся на пять дней позже нее. Но Ленке тем летом невероятно везло: ей позволили жить в городе. Она бывала на даче лишь наездами, на пару-тройку дней, когда родители подвозили своим старикам продукты. Ленка заходила к Марусе, лениво устраивалась в плетеном кресле в беседке и искусственно делилась историями из собственной личной жизни: у нее весь прошлый учебный год бурно развивались отношения с парнем из выпускного класса. Она подробно описывала свои чувства – сначала жар любви, потом пристальное и неодобрительное рассмотрение черт характера любимого, вместе с которым они уже переступили заветную черту. Теперь Ленка была почти готова бросить надоевшего партнера.

– Только одно и держит, – вздыхала она с досадой. – Надо всему у него научиться! Всему! Понимаешь?

– А разве ты еще не научилась? – стыдилась своей неопытности Маруся. – Вы же почти год... ну... вместе.

– Не всему! – кокетливо пожимала плечами Ленка.

Ей явно хотелось распространяться о деталях «науки страсти нежной», но она ждала расспросов. Маруся же ни о чем не спрашивала из гордости, давая своим молчанием понять, что она не менее опытна, но более мудра, сдержанна и молчалива.

– А у тебя что? Давай, делись! – потребовала как-то Ленка.

– Я слово дала молчать, – таинственно промолвила Маруся.

– Он что? Старичок, да? Женатый? – жадно приникла к самому ее уху подруга.

– Я дала слово молчать. Обещала. Ни слова не имею права сказать, – упрямо повторила хитрая Маруся.

– Да можешь не говорить. И так же все ясно. Дядька у тебя завелся. Завидую. Дядька всегда лучше, чем сопляк. Он хоть заценит, что ты молодая. Баловать будет. А он знает, что ты еще в школу ходишь? – Ленка явно всерьез завидовала. Настолько всерьез, что делалось смешно.

Интересно, чему берутся завидовать люди! Ведь Маруся ни слова не вымолвила, ни намек не высказала, а смотрите-ка! Подруга детства уже корчится от мук зависти! Чему? Ведь она не знает ничего! Совсем-совсем. Она сама нафантазировала, сама себя уверила, что права в своих домыслах, а потом начала завидовать, что ее молчаливой собеседнице достался такой заманчивый вариант, о котором именно она почему-то мечтает. При этом у Маруси никогошеньки нет и не предвидится. Она всего лишь молчит! А подруга уже почти ненавидит ее! Вот как оно устроено в человеческом мире!

– Лен, что ты выдумываешь? Какого-то дядьку непонятного приплела. Зачем? С чего ты взяла?

– По тебе же видно! Иначе – чего тебе молчать? Если у тебя просто парень, ты бы с ним ходила, а не пряталась. И не молчала бы. Что тебе не ясно?

Можно было бы, конечно, возразить, что молчат люди по разным причинам. Но какой смысл? Маруся загадочно улыбалась, ничего о себе не рассказывая.

Ровно через неделю после того дурацкого разговора Ленка приехала на дачу не одна. Притащила и своего любимого, и нескольких друзей и подруг, оказавшихся по случаю в Москве. Всей толпой заявили к Марусе: Ленке хотелось показать народу уникальное архитектурное сооружение. Маруся едва удержалась, чтобы не похвастаться своей комнатой в башне. Хотелось ужасно, но что-то ее остановило. Ей почему-то показалось, что если она приведет в заветное убежище чужих, произойдет какое-то искажение ее жизни. Она боялась потерять зарождающуюся в ней новую силу, которая возникла, Маруся была уверена, именно благодаря чудесному действию бабушкиного подарка.

Гости разлеглись на лужайке, загорали, болтали о всякой ерунде. Потом сбегали искупаться на речку, потом бабушка кормила всех оладушками со сметаной. Вечером у Ленки на участке делали шашлыки. Разожгли костер. Ленка со своим парнем целовались, никого не стеснясь. Другие парочки разбрелись кто куда. Маня болтала с Ленкиным одноклассником. Он приехал один, и как-то само собой получилось, что общался он весь день с Марусей. Они сидели рядом, и девочка думала, что, может, лето ее и не пропащее вовсе, раз она сейчас с таким интересным и красивым человеком. Ей было все равно, что будет завтра. Просто хотелось, чтобы эта ночь подольше не кончалась. И все. Они говорили о книгах. Маруся нашла на бабушкиных полках один том из трехтомника Гофмана. Прочитала про Песочного человека, про крошку Цахеса. Пыталась найти в доме остальные два тома, но их попросту не было.

– Уез, наверное, кто-то, – равнодушно ответила бабуля на нетерпеливый вопрос внучки. – Может, в Москве, надо будет посмотреть. У папы спроси. Жаль, конечно. Там про кота Мурра очень интересно. Почитай потом.

Очень хотелось почитать. Но где же взять книгу, если ее нет?

Маня поделилась огорчением со своим собеседником. Оказалось, он читал Гофмана!

– Хочешь, – предложил он, – я тебе привезу «Житейские воззрения кота Мурра»? У нас дома есть.

Маруся даже не поверила такому счастью.

– Неужели это возможно?

– А что тут такого? – пожал плечами человек, и не подозревающий, что сегодня именно он сделал ее лето прекрасным. – Возьму и привезу.

– По-моему, это чудо. Вот я сижу тут одна, мечтаю о чем-то. А потом приезжает вдруг кто-то и говорит: «Я исполню твою мечту». Если желание сбывается – это же самое настоящее чудо, правда?

Мальчик кивнул в ответ. Он с улыбкой смотрел на нее. Она любовалась его светлыми волосами, падающими на лоб, внимательными глазами, всем его обликом. Он тоже не отводил взгляд. Как будто старался запомнить. Маруся была счастлива, что так удачно заговорила о поисках книги. Ведь благодаря этому появился повод для их встречи. Они долго еще болтали о чем-то неважном, что совсем не запомнилось. Прощаясь, мальчик обещал приехать недели через две: он улетал с предками к южным морям спустя несколько дней.

В дачной жизни ее с тех пор появился особый смысл. Вроде ничего не изменилось: утром – к молочнице, дообеденное время – на башне, вечерние посиделки – с бабушкой. Но теперь она ждала! И еще вспоминала: костер, его улыбку, обращенную к ней. Она, как оказалось, помнила весь их разговор, каждое слово! Все теперь казалось очень значительным и помогало ждать. Заглянувшая на пару дней Ленка все пыталась завести разговор о том мальчишке. Все, мол, в него влюблены, а он ни с кем...

– А мне какое дело? – равнодушно пожимала плечами Маруся.

– Сидели как голубки, я же видела, – бесцеремонно разоблачала Марусино притворство введливая подруга.

– Сидели, потому что все по парам разбрелись. Вот и сидели, и разговаривали. Из вежливости. Не молчать же, – Маруся выглядела абсолютно невозмутимой.

Ленка поверила.

– Все ясно с тобой! По своему дядечке скучаешь, – сделала она вывод. – Если б у тебя никого не было, разве ты бы в Даньку не влюбилась? Я, если хочешь знать, специально его с собой взяла, чтобы убедиться, что у тебя кто-то есть.

– Может, хватит? – обиделась Маруся. – Какое тебе до меня дело? Есть у меня кто-то, нет кого-то... Какая тебе-то разница? Что это в твоей собственной жизни меняет? И какое ты имеешь право что-то проверять, в чем-то убеждаться по моему поводу?

Ленка обиделась непонятно на что. Перестала даже заходить. А Маруся упорно ждала. Но так ничегошеньки и не дождалась. Он так и не приехал.

Однажды, именно в тот день, когда, по ее предположениям, он мог бы появиться, она обнаружила в беседке ту самую книгу, которая стала поводом для их встречи. Книга лежала в плетеном кресле, на самом виду. А ведь вечером, когда они с бабулей уходили в дом, наигравшись в карты, никакой книги не было. И быть не могло, потому что в этом кресле сидела весь вечер сама Маруся. Она бросилась спрашивать у бабушки, но та очень удивилась находке.

– Это не наша, ты же сама знаешь. Была бы у нас, я бы тебе давно вручила. Безо всяких загадок, – отвергла бабуля внучкины подозрения. – Кто-то, скорее всего, зашел потихоньку и положил. Кто-то знал, что ты об этой книге мечтаешь.

Об этом знал только один человек. И он обещал. И она ждала. А сейчас получается: книгу принес кто-то третий. Зачем? В насмешку? Или... Или Ленка специально подложила? Она наверняка слышала, о чем они говорили с тем мальчиком. И худшее, что могла предположить Маруся, было ее подозрение о том, что подруга из мести рассказала о придуманном ею же дядечке. И тогда Даня вручил ей книгу, не желая ехать сам. Эта догадка казалась логичной и убедительной. Она сбегала к соседям, но те сказали, что внучка в тот день не приезжала.

Тогда – кто?

Этот вопрос так и остался загадкой ее жизни. Потом, думая о своей первой любви, она называла другое имя. Но память о мальчике из того, самого скучного ее лета, не изгладилась. Про себя она называла этого человека тем, кто мог бы стать ее первой любовью. Но не стал. И книгу, непонятно как оказавшуюся в беседке, она хранила как память именно о нем.

Но скучала она тогда, как оказалось, не напрасно. Родители, оставленные на произвол судьбы, к концу лета передумали ссориться. И даже совсем наоборот: у Маруси в следующем апреле появилась на свет сестра Марина, Маришка. Как говорили счастливые родные, полная Манькина копия. Значит, три дачных месяца действительно имели какой-то особый глубокий смысл.

* * *

Есть вещи, которые почему-то узнать бывает не дано, даже если они касаются непосредственно нас самих. И остаются на память лишь вопросы. Может, потому и остаются, что ответов на них не суждено дожидаться никогда.

А ответ такой: он там был!

Он каждый день после их встречи думал о необыкновенной девочке из необыкновенного дома с башенками. Он помнил ее глаза, улыбку, рассыпающиеся по плечам волосы. Помнил, как она прыгала в воду с тарзанки в тот прекрасный день, когда он с ней повстречался. Она не орала, как все остальные, не визжала. Нырjala с высоты в воду, как дельфин. Нет, скорее как русалка, наверное. Если только русалки умеют нырять, а не просто сидят себе на ветвях. И еще она была похожа на богиню охоты Диану, какой ее изображали художники и скульпторы. Хотя нет. Она была стройнее и выше Дианы. Но ее легко было представить прицеливающейся из лука, молча и точно бьющей в цель.

Он считал дни и часы до своего возвращения в Москву. Он точно знал, что сделает, когда вернется: первым делом достанет с полки книгу, которую обещал ей, потом поедет на вокзал, сядет в электричку, добежит до ее дома, увидит ее и протянет ей свой дар.

Про потом он не думал. Он додумывал только про тот момент, как протягивает ей книгу. Дальше она что-то должна сказать. Дальше – от нее зависело. Может быть, они побегут на речку через сосновый бор, по мягким желтым иголкам, устилающим песчаную почву. Или просто пойдут гулять. И он возьмет ее за руку. Это все несущественно, что они будут делать, когда увидятся. Главное, прилететь домой, взять книгу и отправиться наконец к ней.

Они возвратились рано утром. Даня принял душ и улегся поспать с дороги: в самолете спать у него не получалось. Он думал, что поспит час, максимум два, но когда открыл глаза, ужаснулся: было уже семь вечера! Он беспробудно проспал весь день!

– Ма, что ж ты не разбудила меня? Я же просил! – крикнул он, судорожно одеваясь.

– Ты так сладко спал! Зачем тревожить сон растущего человека? Это вредно, – безмятежно отвечала мама.

Что она понимала в растущих людях?! Впрочем, винить некого: сам должен был завести будильник. Все равно настроение у него было бодрое. Какая разница, в принципе, когда он приедет? Ну, не утром, а вечером. Еще лучше. Будет не так жарко. Гулять же все равно можно пойти. Или костерок развести и сидеть хоть всю ночь рядом. Он успокоился, поужинал даже, предупредил, что едет к другу на дачу и вернется завтра.

– Друга случайно не Ленка зовут? – шутливо поддела мать.

Она иногда бывала очень проницательна.

– Нет, не Ленка. Можешь ей позвонить, удостовериться. До завтра, мам!

Он не стал дожидаться лифта, расслабленно потрохал по лестнице с заветной книгой в руке.

– Дай знать, что добрался! – крикнула вслед мама.

– Постараюсь! – ответил сын беззаботно.

Вечером, как оказалось, электрички ходили нечасто. Он подошел к ее участку около десяти. Долгий летний день уступал место быстро сгущающимся сумеркам. Он увидел башенки, которые так отчетливо все эти дни представлял себе, и внезапно смутился. Как это он войдет к ней сейчас, на ночь глядя? Что скажет? «Пустите переночевать, я книжку привез»? Ну и идиот же! Надо было все-таки дожждаться утра! Он загадал: если калитка будет заперта, он не станет стучать, отправится на станцию и уедет в Москву. А завтра поутру вернется.

Калитка оказалась открытой настежь. Пришлось войти. Он неслышно шел по теплой траве по направлению к беседке. Оттуда доносились голоса, смех.

– А! Вот ты, значит, как со мной? Да?

– А что ж ты думала! Не все же мне проигрывать!

– Ничего-ничего... Мы сейчас пойдем по-умному! Оп-па! Ну как?

– Ну бабуль! Ну опять ты!!!

Он увидел ту, к которой стремился. Она сидела к нему вполоборота. Пушистые волосы ее светились: на столе горели свечи, много свечей в разных подсвечниках. От беседки исходил дух праздника и легкомысленного веселья.

Он стоял, прячась за стволом векового дуба. Бабушка, хоть и смотрела прямо на дерево, увидеть его не могла: яркие язычки свечей делали окружающую тьму еще гуще. Он медлил, почему-то не решаясь подойти. Ему не хотелось их испугать, появившись внезапно. Надо было, конечно, окликнуть хозяев, стоя у калитки. Почему он не догадался? И вот сейчас выйти из темноты он никак не мог. Какое-то оцепенение неожиданно напало. И даже мыслей в голове не находилось. Взгляд его фиксировал красоту девочки. Слух улавливал каждый оттенок беседы увлеченных игрой картежниц.

Надо было подойти! Или хотя бы из-за дерева как-то покашлять, что ли. Или просто сказать: «Добрый вечер! Здравствуйте!»

Нет! Так нельзя! Ни в коем случае! Они испугаются. Они же не знают, что это он. Подумают, вор. Закричат. И потом ясно будет: он круглый идиот. Залез к ним, чтобы так по-дурацки напугать.

– Ну что? Пора на боковую! Завтра продолжим, – произнесла между тем бабушка.

– Бабуль, может, я еще отыграюсь, а? – взмолилась Маруся.

– Вот завтра и отыграешься. Ты уже сегодня сильно отыгралась. Я тебя чему учу? Ты, во-первых, думай, а во-вторых, рискуй. Держи карты с таким лицом, будто у тебя одни козыри. А ты куksiшься – все же ясно становится. Если человек выглядит как жертва, его остается только добить. Даже если у него объективно очень неплохие карты. Это и в жизни работает. Учти!

– Учту, – вздохнула Маруся и тут же рассмеялась. – А ты хитрая, бабуль! Ты всегда так и живешь. Как будто с козырями.

– А как иначе? Эй, кстати! Ты калитку заперла или опять настежь оставила?

– Бегу! Сейчас запру! Не волнуйся! Ну никто же к нам не придет, бабуль!

Маруся схватила лежащий на столе большущий древний ключ и поскакала к калитке.

«Ну все, – подумал горестно нежданный гость, старательно прячущийся во тьме, – сегодня я отсюда не выберусь».

Через двухметровый забор не перескочить. Теоретически оставался вполне цивилизованный вариант: все же окликнуть Марусю, ну и так далее. Но почему-то именно это он сделать не мог. Никак и ни за что.

Маруся стремглав промчалась туда-обратно, и вот они с бабушкой уже задули свечи в беседке и отправились в дом. Мальчик подождал, когда в окнах первого этажа зажегся свет, и подошел ближе, удивляясь беспечности обитательниц дачи. Ведь кто угодно мог оказаться

на его месте: стоять вот так вот, как он сейчас, во тьме и подглядывать за ними, замышляя что-нибудь ужасное. Бабушка и внучка оказались в комнатах по соседству. Их разделяла лишь стенка. В обеих комнатах имелись балконные двери, через которые можно было попасть на общую веранду. Они даже окна не зашторивали, эти беспечные прекрасные существа!

Однако стоило ему об этом подумать, как бабушка подошла к своему окну, захлопнула балконную дверь и, растянув складную металлическую решетку, задернула шторы.

– Маруся, ты решетку не забыла замкнуть? – крикнула невидимая теперь бабушка.

– Бабуль, сейчас! Посмотри лучше, как я загорела! Я не облезаю?

Девочка голышом стояла перед старинным шкафом с зеркальной дверцей, пытаясь разглядеть свою спину. Она была уверена, что темнота за ее окном бездушна, безглаза и нелюбопытна. Он видел ее всю и не мог отвести глаз, презирая себя за это. Надо повернуться и отойти от дома. Переждать ночь. И все. Но он стоял и смотрел. Не сказать даже, что любовался. Как можно любоваться, ненавидя себя? Хотя она хороша была необыкновенно: длинноногая, тонкая, гибкая, загорелая. И – пугающе живая. Ни одна картина не передала бы прелести ее живого тела.

– Видишь, что значит на башне загорать! – бабушка, стоя в дверях, тоже любовалась внучкой.

– Но точно не облезаю?

– Совершенно точно! Надевай ночнушку! И не стой на свету с открытыми окнами, сколько тебе говорить!

– Ну кто тут меня увидит, ба? – легкомысленно возразила Маруся, подходя к окну и задвигая решетку. – Привидение садовое, ау!

Садовое привидение в ужасе притаилось под окном.

– Не отзывается, – засмеялась девочка.

Бабушка засмеялась тоже.

– Глупышка ты. Помню, как тебя из роддома привезли. Пушинка. Легче легкого. А уже человек. Глаза свои распахнула и так внимательно на меня посмотрела. Знакомилась! Тогда только одна мысль была: уберечь. Да и сейчас – та же самая мысль, непрестанная. Ты посмотри на себя: выросла. Наступает время твоей силы. Помни об этом. Смотри, цени себя. Уважай. Не расшваркай то, что дано тебе.

– Как это – не расшваркай, бабуль? Чего мне шваркать?

– Себя! Помни, что жизнь у тебя одна. Душа одна, тело одно. Не будь игрушкой в чьих-то руках. Ищи сильного и достойного. Ты для любви создана. А любовь – это вся жизнь. Это весь твой мир. Выбор близкого человека, дети... Полная чаша должна быть. Я не о материальном. Пойми это. И помни.

– Буду помнить, бабуль! – серьезно отозвалась девушка. – Я понимаю.

Бабушка снисходительно рассмеялась.

– Да что ты там понимаешь, глупыха! Небось и влюблена уже в дурачка какого-нибудь, который и своего-то пути не представляет, а твоего – тем более.

– Может, и не в дурачка, – произнесла Маруся с вопросительной интонацией. Словно у себя самой что-то спрашивала.

Она снова оказалась у балконной двери, теперь уже в коротенькой рубашечке, одним движением задернула плотные шторы. Вскоре свет в окнах погас.

Гость, соблюдая невероятную осторожность, пробрался в беседку. Ночь была теплой и тихой. Он наконец-то избавился от книги: положил ее на стол, улегся на лавку и долго лежал без сна. Он думал о девочке, к которой так стремился, и о себе. Он впервые понял, нет, скорее ощутил, что она – совсем отдельный от него человек, со своей волей, своей силой и даже отдельной судьбой. Она, кажется, сказала, что влюблена. Не совсем так, но можно и так

понять, разве нет? В кого же, интересно? Не может быть, чтобы в него. Хотя... Процентом пять вероятности существует, что влюблена она в него. Он вот – влюблен. В нее!

– Влюблен? – спросил он у себя.

– Да! – вырвался ответ из самой глубины души.

И при этом он точно знал, что нет в нем той силы, о которой говорила ее бабушка. Будь он по-настоящему сильным, разве глупо трусил бы он, прятался бы за деревом, подслушивал бы тайком? Нет, конечно. Подошел бы просто, открыто. В конце концов, он же ничего позорного не сделал. Книжку долгожданную привез, которую раньше ей обещал. Ну, припозднился. Все равно – ничего страшного. Но он не смог перебороть своего дебильного страха. Значит, получается, по всем параметрам слабак. Сегодня вечером – слабак, точно. Он отчаянно подумал, что можно утром все исправить. Незаметно выбраться, когда они откроют калитку, а потом – дубль два. Тук-тук-тук! Вот он я! Явился! Чем плох такой вариант? Да вроде ничем. Но он, подглядевший ее наготу, как последний никчемный сопляк, не сможет ей об этом сказать. Она будет ему верить, а у него на сердце ляжет тяжелым грузом стыдная тайна о ней и о себе самом.

Ему стало жестко лежать на лавке. Он встал, уселся в плетеное кресло, в котором недавно сидела она, взял со спинки бабушкиного кресла плед, укутался, вытянул ноги, как в самолете, и неожиданно для себя самого уснул.

Проснулся он, когда было совсем светло. Надо же! Всю ночь проспал сидя!

– Маруся! – послышался крик со стороны дома. – Не забудь: на завтра, скажи, творогу килограмм нужен, наши приедут.

– Не забуду, бабуль! – ответила девочка, пробегая совсем близко от его убежища.

Странно, что она не заметила его. Он ведь даже пригнуться не успел. Слышно было, как открывалась калитка. Он подождал пару минут и, остерегаясь, направился к выходу. За забором вздохнул полной грудью: уффф! Только на станции вспомнил про книгу. Сердце его упало. Он понял, что теперь – все. Теперь путь назад был точно отрезан. Она же вернется и найдет этот его нечаянный дар. И спросит – откуда? А он заявится без книги, хоть и обещал. Все! Они же догадаются, что он у них тут ночью торчал! Это все! Конец!

– Со мной все ясно: я слабак, – объяснил он сам себе.

Через десять минут подошла электричка. Он уехал.

Вот и вся загадка.

Он не забывал о ней. Думал, что когда-нибудь они все-таки встретятся, и он расскажет ей, откуда в беседке появилась книга про кота Мурра. И они вместе легко посмеются. Но – когда-нибудь. Когда все станут взрослыми, сильными и мудрыми.

* * *

Прошло двадцать лет.

– Даниил Александрович! Нашелся вариант, подходящий по всем статьям. И близко, и, если что, электричка рядом, и участок большой, и дом представительный. Из первых рук. Поедете посмотреть?

Он несколько месяцев назад развелся со второй женой и присматривал себе для спокойной и размеренной жизни дом за городом. Захотелось к деревьям, на свежий воздух, чтобы после работы можно было продышаться в тишине.

– Конечно, поеду посмотреть. Диктуйте адрес.

Он записал название поселка, улицу, номер дома.

– Только, Даниил Александрович, я поехать не смогу. У меня тут серьезные обстоятельства. Но – так даже лучше. Я вам скажу, где взять ключ. Он у соседей, через пару участ-

ков всего. Вы спокойно все осмотрите, хоть ночуйте там. Потом вернете ключ соседям. А мы по телефону с вами свяжемся. Скажете мне о своих впечатлениях.

Что ж. Так действительно было лучше. Не слушать ласковый голос агента по продаже недвижимости, посмотреть все внимательно самому, не подвергаясь чужому нажиму, понять, твое это место или нет.

– Договорились. Завтра же поеду. Дайте адрес соседей. Их надо как-то предупредить?

– Нет, просто скажете, что вы за ключом от дачи Копыловых. И все, никаких проблем. Я же такой вариант с ключом не каждому доверю. Только самым надежным клиентам.

Да, да! Надежный клиент уже дважды покупал жилье через это самое агентство. И потом благополучно оставлял его своим бывшим. Еще бы ему не доверять. Интересно, будет ему покой на этом свете?

Проснулся он рано утром от яркого солнца и решил ехать смотреть дом, пока пробки не перекроют возможность двигаться и делать дела. Поутру в будний день за город добраться проще, чем из дачной местности в город. Так что надо было ловить момент. Доехал вполне благополучно, свернул с автостреды именно там, где надо, хотя съезд был не особо заметным, мог бы запросто и проскочить. Полкилометра протрясся по кочкам, выехал на асфальт, остановился, взгляделся. Поселок показался ему знакомым. Похоже, он тут когда-то бывал. Или только показалось? Он заглянул в бумажку с адресом соседей, у которых хранился ключ от его потенциального дома. Часы показывали девять. Не рано ли он к этим соседям нагрянет? Дачники все же. Спят себе еще, наверное. Хотя при таком солнце – вряд ли. Он ехал медленно, вглядываясь в таблички с номерами домов. Наконец появилось искомое число. Здесь и обитают добрые соседи, хранители заветного ключа. Припарковаться можно было где угодно – вот она, загородная вольница! Он вышел из машины и не спеша направился вдоль высокого глухого забора к воротам.

И тут, у распахнутой настежь калитки, его разом отбросило на двадцать лет назад! Как же он мог забыть эту дорогу к тому самому дому! И этот забор! И название поселка! Нет, не забыл, конечно. Просто – не сопоставил сразу. Не готов был именно к этому сейчас. Дом с двумя башенками – одна остроконечная, другая с плоской площадкой – выглядел обновленным, башенки были заново покрыты металлочерепицей, к дому вели дорожки из разноцветной плитки. Кто же здесь сейчас обитает? Новые владельцы, скорее всего. И где прежние хозяева?

Он старательно постучал и окликнул:

– Добрый день! Можно к вам?

Навстречу со стороны беседки выбежала к нему девочка. Сердце его упало. У него не осталось ни малейшего сомнения, что у этого дома хозяева те же, что и в незапамятные времена его ранней юности.

Пушистые волосы девочки сияли на солнце. Она подбежала, не запыхавшись, и с улыбкой вопросительно взглянула на гостя.

– Мне сказали, что у вас можно взять ключи от дачи, – начал Даниил Александрович.

– А! Да, да! – кивнула девочка. – Я сейчас, минуточку.

И в этот момент на башенке с плоской верхушкой появилась она. Та самая. Воспоминания о ней он прятал старательно и, казалось, укрыв их надежно.

– Аля! Кто там? Кто пришел? – послышался ее вопрос.

– Это за ключом от копыловской дачи, мам! – ответила девочка, обернувшись к башенке.

– Ты знаешь, где ключ? Принеси! – отозвалась мать.

Девочка легко побежала к дому.

– Вы чаю не хотите с дороги? – спросила женщина со своей высоты.

– Нет, спасибо. Я только из дома. И добрался быстро, без пробок.

– Вам повезло! Ну, если что – милости просим.

Голос у нее совсем не изменился. В нем, как и прежде, звучала радость.

Подбежала девочка с ключом.

– Там калитка на щеколде. Просто руку просуньте и отодвиньте. А от дома – вот, – пояснила она приветливо.

– Спасибо. Я осмотрюсь там и верну ключ, – проговорил он, обращаясь к той, что смотрела на него сверху.

Негромко сказал, но она услышала.

– Вы можете его просто в почтовый ящик к нам кинуть. А мы потом достанем, – сказала девочка. – Ничего с ним не сделается. – Она показала на синий ящик у ворот.

– Так и поступлю! Спасибо!

Он помахал женщине на башне. Та помахала в ответ и исчезла.

Он шел к машине и думал: зачем судьба так настырно привела его снова в этот дом? Что от него требуется? Раскрыть наконец загадку книги, появившейся непонятно как в беседке? Или поведать ей все-таки о своей первой любви? Какой смысл во всем этом и есть ли он вообще в событиях его жизни? Может быть, повернуться сейчас, забросить этот ключ от чужого дома в почтовый ящик и уехать безвозвратно?

– Ну что ж, – сказал он себе, – это ты можешь. Смыться – это, похоже, твое, заветное.

Тут же вспомнился ему недавний разговор с давним, школьным еще другом, ставшим священником. Тот рассказал о какой-то недавней телевизионной полемике по поводу падения нравов в стране, в которой ему пришлось поневоле принимать участие.

– А почему поневоле? – не понял тогда приятеля Даниил. – Тема насущная.

– Пустая болтовня, трата драгоценного времени жизни, – ответил тот. – Достаточно оказалось на участников взглянуть, чтобы пожалеть, что согласился. Вот Н. Б., знаешь такого? О чем может говорить он, трижды разведенный, ранивший трех доверивших ему свою жизнь женщин? Нравственность – это поступки, дела, а не слова. Иначе что ж? Пустая потеря времени и есть.

Даниил тогда почувствовал, что эти слова касаются и его. Он всегда поступал, как ему легче, не думая о том, что кто-то ранен им. И вроде зла никому не желает. Просто – так выходит почему-то. Так выходит. Судьба так ведет...

Женился он одиннадцать лет назад. Даже женясь, не был уверен, что по любви. Увлечение было. Надежды были. Настрой на долгую и счастливую жизнь, похоже, имелся. Девушка была хороша. Красивая, умная, легкая в общении, радостная.

Он был к тому времени молодым, но уже более чем успешным архитектором, востребованным теми, кто способен платить за проект дома огромные деньги. Он создавал шедевры, которыми по сей день гордится. Денежные мешки скупали старые дачи, объединяли участки, сносили деревянные дома прежних хозяев и обустраивали поместья в своем вкусе. Даниил оказался не только одаренным архитектором. У него отлично выходило свести безумные купеческие пожелания башлеметов до минимума, внушить им собственные взгляды на красоту и гармонию, да так, что заказчики были совершенно уверены, что это им, таким талантливым и чутким к веяниям времени, удалось уловить буквально из воздуха самые современные тенденции домостроительства. Было у него свое архитектурное бюро, офис, помощники, все как полагается. И вот почему-то – для солидности, что ли, – захотелось обзавестись семьей, парочкой детей. Он купил подходящую квартиру, обустроил все по своему вкусу. Оставалось найти жену. И она на удивление быстро и просто нашлась. Соответствовала всем исходным требованиям.

Это потом он понял, что не он искал, а его искали. И тоже по определенным параметрам. Девушки в поиске умеют так подстраиваться под удачно найденный объект, что диву

потом даешься, куда оно все девается, когда мечты их становятся реальностью. Нет, первое время все было почти идеально. Просто как в кино. Красивая женщина в продуманном интерьере радовала глаз. Для него это было важно: гармония облика. Но гармония разрушилась вдрызг после рождения дочери. Беременность прошла на удивление просто, без ожидаемых капризов, о которых предупреждали женатые друзья. К этому он как раз был готов, но – не случилось. За это Даниил был благодарен жене вдвойне. Однако материнство меняет женщину до неузнаваемости. С рождением ребенка рождается и его мать. До этого была женой и любимой девочкой, котенком, опасной красавицей, женщиной-вамп. И вдруг откуда ни возьмись за несколько часов родовых мук и усилий вылупилась из красавицы и умницы отталкивающего вида клуша, плюющая на твои представления о красоте, гармонии, покое, наконец.

Молодая раздавленная телом мать занята только ребенком. И чем дальше, тем больше. Памперсы с какашками, внимательное их разглядывание и требование того же от супруга, полное пренебрежение к своему внешнему виду и к тому, чего хочет муж. И самое страшное из тех месяцев – кормление «по требованию». Так велено было в роддоме, где родилось на свет их чудо-дитя. По требованию – это значило, что ни минуты покоя, ни днем, ни ночью, не предвидится. Стоило младенцу закричать, жена бросалась к нему и совала в ротик молочную сисю. И днем, и ночью!

– Да это же глупость какая-то! – пытался образумить жену Даня. – Она же у нас человек! Не жвачное животное! Мы же не только жратвой живы, нам нужно как-то в мире оглядеться...

Жена смотрела на него с ненавистью и продолжала кормить дитя, как научили. Он решил для себя, что не всю оставшуюся жизнь будет все это продолжаться. Когда-то ведь дочка подрастет, откажется от груди, станет ходить, говорить. Они подружатся. Надо только потерпеть.

Он терпел и эту почти чужую неопрятную женщину, и срач в доме, и непрерывное кормление, и ее раздражение. И терпел бы долго, если бы не подруга жены. Лучшая подруга, свидетельница на их свадьбе, навещала в их дом чуть ли не каждый день. Что удивительно: с ней жена была приветливой, улыбчивой. Даже шутила, даже смеялась над собой и своим нынешним видом. Она высмеивала собственное перерождение! Даня однажды случайно услышал их веселую болтовню и поразился: так вот, оказывается, какой она может быть! Вполне сносной, а не такой мегерой, как с ним. Он радовался визитам подруги как возможности на какое-то время передохнуть от враждебной атмосферы, воцарившейся в доме. А потом, будто незаметно для себя самого, стал с этой подругой сближаться. Она ему сочувствовала! Она его понимала! И, наконец, она была красивой, ухоженной, стройной, веселой, радостной. А потом стала и желанной. Жену-то он больше хотеть не мог. Ну не получалось ее хотеть. При одной мысли о близости фоном возникал детский ор. И все сопутствующие ему моменты.

Связь с подругой жены длилась два года. К тому моменту дочери уже было два с половиной. Жена все еще жила интересами и потребностями своего чада, ничего не чувствуя, не понимая, что происходит с мужем. И тут подруга поставила вопрос: или – или. Как это? Спит он с ней, а женой называет ту, которая и прав на это не имеет. Ну, логично. Так ему показалось. Тем более чувства к жене уже не было. Вернее, были чувства. Исключительно негативные.

Он ушел. Ушел с уверенностью в собственной правоте. Ведь он оставил бывшей жене прекрасную квартиру, обязался помогать дочери до совершеннолетия. Он не мог понять, почему жена потом тяжело заболела, почему совершенно не поняла его мотивов, почему наотрез отказалась общаться с ним и его новой супругой, бывшей своей лучшей подругой.

Она отказывалась давать ему дочь на выходные, объясняя это тем, что не может позволить, чтобы к ее ребенку прикасались руки предательницы.

Он обставил новую квартиру. С новой женой долгое время было весело. Детей он не хотел совсем. Она поначалу соглашалась с ним. «Нет, нет! Плавали, знаем! Зачем нам дети? Ведь мы есть друг у друга!» Удивительное взаимопонимание, редкостное! Он ценил. Теперь он был уверен, что вот такими трудными окольными путями пришла к нему настоящая любовь.

И все-таки она забеременела. Уверяла, что случайно. Но не делать же аборт, если есть муж, материальная база? Он согласился. Надо сказать, что она старалась изо всех сил. Помнила опыт бывшей лучшей подруги. Родила сына, быстро вернула прежнюю форму, никаких кормлений по требованию – только четкое расписание. Ребенок спал ночами. Вечерами помогала няня. Он не уставал сравнивать и радоваться. Вот, оказывается, как можно! Первое слово, сказанное сыном, – «папа» – растопило сердце отца. Он был доволен созданной семьей абсолютно. Работа отнимала уйму времени. Заказы так и сыпались. Он не отказывался ни от чего: на нем лежала ответственность за двух детей и за любимую женщину, вторую, любимую жену. К сыну он прикипел душой. Все получилось, как он и предполагал, еще когда дочка была маленькая. Сын подрос, и стали они лучшими друзьями. Такая мощная мотивация жизни – ребенок, который рожден в любви, повторяет твои черты, любит тебя как самого дорогого и нужного человека.

Он был зол на первую жену, не давшую расцвести его отцовской любви к дочке. И еще иногда Даниил вспоминал, как она, услышав от него, что он уходит и подает на развод, несколько раз отчетливо и медленно произнесла: «На чужом несчастье счастья не построишь! На чужом несчастье счастья не построишь!» Тоже – Кассандра! Вот, он построил счастье. Реальное счастье. Значит, не было никакого несчастья у той, первой. И зря она пророчила свои гадости. Всё злоба ее, раздражение, всё нелюбовь ее. Об этом они порой и с любимой говорили. Вторая жена искренне недоумевала, откуда столько злобы в ее бывшей самой близкой подруге. Неужели нельзя было принять все цивилизованно, не быть собакой на сене, понять, что любовь есть любовь?

Все было удивительно хорошо. Зимой он отправлял свое маленькое семейство на пару месяцев в Таиланд, чтобы наслаждались они теплым морем и ласковым солнышком. Они общались по скайпу. Одно удовольствие было видеть счастливые загорелые лица, любящие, радующиеся ему.

Потом обещание первой все-таки наступило. Именно тогда, когда он меньше всего этого ожидал. В феврале вернулись его дорогие из теплых краев. Сын подрос, стал чисто говорить, даже читать научился. Конечно, пять с половиной мужику. Пора. Радостная встреча, красивый ужин... Утром он зашел к сыну обнять перед уходом на работу. Сын спросонок протянул ручки и нежно проговорил:

– Дядя Сережа!

Даниил почему-то все понял в секунду, хотя и мысли прежде ни о чем подобном не допускал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.